

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-67-71

«Красота» в поэтической системе Давида Самойлова

Екатерина Александровна Ясакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал), г. Балашов, Россия,
e-mail: eayasakova@yandex.ru

Цель статьи – проанализировать функционирование понятия «красота» в произведениях Д. Самойлова. На примере лирических текстов автор статьи характеризует поэтическое видение «красоты», выделяет средства реализации мировосприятия Д. Самойлова, предлагает оригинальный филологический разбор его стихотворений в свете представлений о красоте как об одном из важнейших художественных компонентов поэтической системы Д. Самойлова. В статье проведены параллели между пониманием красоты в творчестве разных поэтов XIX–XX вв.

Ключевые слова: композиция; целостность текста; интонационное богатство; аллюзии; реминисценции; красота; гармония; дар; блаженство.

Ссылка для цитирования: Ясакова Е.А. «Красота» в поэтической системе Давида Самойлова // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 4. – С. 67–71. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-67-71.

«Beauty» in David Samoilov's Poetic System

Ekaterina A. Yasakova

Saratov State University, Balashov Institute (Branch), Balashov, Russia,
e-mail: eayasakova@yandex.ru

The purpose of the article is to analyse the functioning of the concept "beauty" in the works of D. Samoilov. Using lyrical texts as an example, the author describes the poetic vision of "beauty", highlights the means of implementing the D. Samoilov' worldview of, offers an original philological analysis of his poems in the light of the notions of beauty as one of the most important artistic components of D. Samoilov's poetic system. The article draws parallels between the understanding of beauty in the works of various poets in the 19th – 20th centuries.

Keywords: composition; text integrity; intonational wealth; allusions; reminiscences; beauty; harmony; gift; bliss

A reference for citation: Yasakova E.A. «Beauty» in David Samoilov's Poetic System. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No. 4, pp. 67–71. DOI: 10.30515 / 0131-6141-2019-80-4-67-71.

Размышляя о феномене лирической поэзии, В.С. Соловьев пишет: «Каковы бы ни были философские и религиозные воззрения истинного поэта, но, как поэт, он непременно верит и внушает нам веру в объективную реальность и самостоятельное значение красоты в мире» [Соловьев 1991: 404].

В поэтической системе Д. Самойлова красота — один из главных художественных компонентов. Она и искусство, и любовь, и сама жизнь, упоительная, горячая, светлая. Ее суть открывается в самые неожиданные моменты. Например, ранним весенним утром, *когда, туман превозмогая, / пахнут набухшие ветра, / земля откроется — нагая, / слегка бесстыдная с утра*, или летним вечером, *когда сосны*

дымят медью. / В травах лиловых кузнечик колдует. / И мир поворачивается медленно, / как деревянное колесо..., или же зимой, *когда город дивный, / снег, как с яблонь, лепестками...* [Самойлов 2013: 31–32; 74].

Далеко не всегда поэт называет ее по имени, но настоящую красоту он прозревает даже на войне. Она является ему в образе Богородицы, плачущей о русских солдатах («Слово о Богородице и русских солдатах»), и в образе еврейской девочки, чудом избежавшей гибели, с волосами из «Песни Песней» («Девочка») [Там же: 35–37; 43]. Тоска по красоте настагает его в редкие минуты фронтового затишья, когда он снова ощущает *трепет души, спекающейся в горле*, и чувствует свою ответственность за судьбу мироздания:

К нам в ноги летит, как птенец из гнезда,
Продрогшая маленькая звезда.
Берем ее в руки. Над нею стоим,
И греем, и греем дыханьем своим¹.

У поэта особое зрение. Он видит красоту в самых обыкновенных вещах, и, чтобы выразить ее, ему нужны привычные всем слова.

Эта мысль — основная в стихотворении «Слова», которое было написано в 1961 г.:

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

Четырехстопный ямб с плавным чередованием мужских и женских рифм придает стихотворению элегически-умиротворенное звучание, наполняет светлой грустью. Этому же способствуют анафора в первой строфе (дважды повторенное наречие *красиво*) и употребленное в архаической форме слово *погоды*. Гармоническое согласование ясного тихого сентябрьского дня и открытой красоты мира души подчеркивается при помощи синтаксического параллелизма.

Сентябрь не только главный образ-режиссер, но и главное действующее лицо в начале стихотворения. К нему относится целый ряд эпитетов: *первоначальный, задумчивый, но не печальный*. Сентябрь *справляет* большое пышное празднество. Намеренно допущенный плеоназм (*праздничные торжества*) подчеркивает степень удовлетворения и внутреннего торжества, которые наполняют этот день.

Фонетическая окраска данной строфы также предельно эмоциональна: ассонанс создает впечатление свободного воздушного пространства, а аллитерация позволяет наполнить его отдаленными звуками проплывающих по реке судов. И это уютное пыхтенье и тархтенье речных пароходиков только подчеркивает красоту ранней осени, мирную атмосферу сентябрьского дня.

Нельзя не отметить и внутреннее сочетание таких предметных образов, как листва и пароходы. Падающие на водную

гладь разноцветные листья мы называем корабликами:

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Усилительная частица *и*, выполняющая одновременно и присоединительную (союзную) функцию, помогает грамматически оформить умозаключение, выраженное в этой строфе, — следствие той картины, которая нарисована в первой. Инверсия первого стиха определяет логическое ударение, падающее на глагол *понял*.

Кажется, что отношение автора к сообщаемому, его концепция уже предельно точно сформулированы. У читателя, бережно сохраняющего в душе бессмертные строки пушкинской «Осени», не остается ни малейших сомнений относительно ценностных ориентаций лирического героя Д. Самойлова. Но третья строфа необходима для того, чтобы эмоционально уравновесить текст, придать ему завершенность, добавив еще несколько необходимых штрихов:

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Само слово *люблю* звучит спокойно и обыденно, но в нем всегда содержится новизна, как путешествие в *неизведанные страны*. Сравнение в первом предложении построено на противопоставлении. Второе предложение уточняет смысл первого: *сперва* слова, которыми мы пользуемся, кажутся обычными и понятными, их смысл приобретает дополнительное значение в зависимости от нашего опыта и разума. Метафора последней, завершающей строки в стихотворении снова обращает нас к образу Мастера, который является со-творцом самой жизни.

Стихотворение «Слова» от первой до последней строки пронизано пушкинским духом. Автор, насыщая стихотворение аллюзиями и реминисценциями, вводит в контекст настоящего вечное, заставляет

¹ Здесь и далее стихотворения цит. по: Самойлов Д. С. Счастье ремесла: избранные стихотворения. — М., 2013.

нас вновь и вновь переживать любовь к прекрасным *привычкам бытия*.

Предельно широкая тема стихотворения «Красота», написанного в 1964 г., заявлена в заглавии и раскрывается в соответствии с мыслью, высказанной поэтом в дневниковых записях: «...и в морали, и в красоте есть момент абсолютный» [Самойлов 2003, I: 158].

Несмотря на заглавие стихотворения, лексема *красота* появляется в нем только в третьей, центральной строфе; первая, вторая и четвертая строфы как бы обрамляют ее, а последняя, пятая, содержит вывод-обобщение. Симметричное строение стихотворения определяет целую систему соответствий.

Кроме того, обращает на себя внимание и другая композиционная особенность произведения: первая и последняя строфы — пятистишия, вторая, третья и четвертая — классические катрены. Целостность текста обеспечивает также преобладание глагольных форм настоящего времени. Строфы стихотворения звучат в едином смысловом и ритмическом ключе: каждая последующая строфа стихотворения задает новый мотив, одновременно продолжая основную тему.

Интонационному богатству текста способствует разнообразие рифмовки (в первых двух строфах смежная, далее — кольцевая), чередование мужских и женских клаузул, а также изысканный, сдержанно торжественный ритм, обеспеченный пятистопным ямбом, который имеет устойчивую репутацию «сонетного» размера.

Использование пятистиший позволяет автору создать дополнительный эстетический эффект — акцентировать незарифмованную строку. Так отвлеченное понятие «красота» приобретает свойства все возрастающей значимости при повторяющемся обращении к нему.

Интонационному движению текста, напряженность и энергия которого усиливаются к финалу, способствует рефрен: *Она как скрипка на моем плече*. Первая строка стихотворения повторяется в тексте трижды. Обращает на себя внимание пунктуация этой строки: отсутствие запятой позволяет углубить понимание того, что есть красота, а слово-образ «скрипка» приобретает добавочное значение. С одной стороны, скрипка в стихотворении связана с темой «страсти», а с другой — относит

данный образ к сфере музыкальной сущности мироздания. Лирический сюжет в стихотворении реализуется в романтическом ключе, опираясь на литературную традицию русской поэзии XIX—XX вв.

Синтаксис стихотворения характерен для идиостиля Самойлова: параллелизм, анафора, обилие союзов (полисиндетон).

«Лирическая поэзия после музыки представляет самое прямое откровение человеческой души» [Соловьев 1991: 399]. Критики отмечают, что Д. Самойлову свойственна особая чуткость музыкального слуха, его поэтический мир не столько предметный, сколько звучащий. В творчестве поэта доминирует именно звуковое восприятие мира, поэтому первостепенная характеристика лирического образа дается при помощи звука.

В первой строфе стихотворения, определяя важнейшее для него понятие, Д. Самойлов использует оксюморонное сочетание — *музыка немая*. Однако, виртуозно владея техникой звуковой инструментовки, словесно-фразовых повторов и рифмовки, поэт сам текст заставляет звучать в особом музыкальном ключе, с особой интимной интонацией.

Лирический герой предстает в образе музыканта, который держит на своем плече скрипку. Но скрипка не просто инструмент: это поэтический образ-символ, рождающий множество разнообразных ассоциаций, пробуждающий воображение и фантазию. Поэтическая традиция закрепила за ним определенные эмоциональные состояния, поэтому уже в начале текста возникает настроение некоего любовного томления.

Поэт говорит о явлении красоты как о событии, равном рождению любви. Отсюда метонимический образ возлюбленной, который сливается с округлыми формами скрипки и чудной музыки, рождаемой ею: *струятся* — так можно сказать и о волосах, и о звуках. Пленительный женский образ получает эротический оттенок, но при этом лишен какой бы то ни было приземленности. Красота — это и есть любовь, источник вдохновения, то, что связывает каждого из нас с миром гармонии. Лирический герой, извлекающий чарующую музыку из инструмента, который он прижимает к себе, как любимую женщину, творя красоту, устанавливает тесную связь с миром.

Конечно, для того, чтобы родилась гармония и зазвучала высокая мелодия, нужны

доброта, ласка и нежность. Но этого недостаточно. Во второй строфе «музыкальная» рефлексия лирического героя находит свое выражение в ряде риторических вопросов: *Что знает скрипка о высоком пенье? / Что я о ней? Что пламя о свече? / И сам господь — что знает о творенье?* Прямых ответов на эти вопросы в стихотворении нет. Строфа расширяет субъектность текста и усиливает его диалогичность, вовлекая читателя в область рефлексии.

Предметный ряд данного четверостишия, зафиксированный в определенном лексическом спектре, свидетельствует о переходе автора к осмыслению категории красота на более значимом уровне. Скрипка — пенье; пламя — свеча; господь — творенье. Так тема красоты получает свое идейное и семантическое развитие.

В третьей строфе происходит перемещение в семантическое поле дар. Это смысловое ядро стихотворения, которое составляет лексическая цепочка *дар — дарований — одарять*. Основной прием, использованный поэтом, — семантический повтор, рождающий ассоциативные связи, которые актуализируются в контексте стихотворения. *Высший дар* — это жизнь, это земной мир, это способность прозревать будущее, творить, любить, чувствовать себя счастливым. Человек получает все дары по великой милости Творца совершенно безвозмездно.

Но есть нечто, что *превыше дарований*. Это Красота, которая имеет нравственную составляющую. Красота — общий идеал, сосредоточивший наше понимание совершенства мира и жизни. *Она себя являет без стараний*, потому что в ней сосредоточена мистическая и художественная убедительность.

Все, что вызывает в нашей душе восторг, что рождает творческое томление, побуждает к мысли о Вечном, имеет отношение к красоте. Красота в нашем мире, по Самойлову, — это преодоление негодного и неуместного в художественном творчестве натурализма, это проявление праведничества и святости, потому что в ней нет признаков двусмысленности. Она ничего не доказывает, она просто предъявляет себя в своей неопровержимости.

Таким образом, область семантического поля «красота» прямо связывается с семантическим полем «дар» и идеей стихотворения, которая, в свою очередь, вытекает из

понимания красоты в духе Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, считавших, что в красоте выражается божественная сущность мира, а неиссякаемый источник такой красоты являет собой Христос.

Четвертая строфа начинается с рефрена, а ее синтаксис определяет парцелляция, позволяющая подчеркнуть значимость выражаемых мыслей. Так эксплицируется главная тема стихотворения, которая в этой части получает свое дальнейшее развитие: *красота — любовь — дар — гармония*.

Гармония — значит согласие, стройность, соразмерность и слияние различных компонентов. В античной культуре гармония, являясь источником прекрасного, противопоставлена хаосу. В контексте же данного стихотворения гармония — созвучие земного и небесного, духовного и материального, рассудочного и чувственного, человеческого и божественного.

Большую роль в четвертой строфе играет оппозиция, выраженная при помощи определительных местоимений *всем и каждого*, подчеркнутая союзами *и, но*:

Она как скрипка на моем плече.
И очень сложен смысл ее гармоний.
Но внятен *всем*. И *каждого* томит.
И для нее никто не посторонний.

Последняя строка четверостишия усиливает значение предыдущей.

В тексте стихотворения красота-гармония наделяется самостоятельной волей, имеющей власть над людьми. Однако эта власть особого рода.

Итак, идея красоты воплощена в образах, легко объединяющихся в лексико-семантическую группу, которая имеет внутреннюю градацию: *скрипка — музыка — гармония — пенье*. В заключительном пятистишии ключевое слово *пенье*, замыкающее этот ряд и расширяющее пространственно-временные рамки стихотворения до вселенских масштабов. Именно прием внутренней градации позволяет поэту выразить отношение к абсолютной Красоте — главному признаку Божьего мира, универсума, имеющему музыкальную сущность:

И, отрешась от распрей и забот,
Мы слушаем в минуту просветленья
То долгое и медленное *пенье*
И узнаем в нем *высшее значенье*,
Которое себя не узнает.

Последняя строфа стихотворения «Красота» вызывает стойкие читательские ассоциации, ведь «художественный текст как часть культуры всегда связан с другими текстами, которые преобразуются или частично используются в нем, служат для выражения его смыслов» [Николина 2003: 223]. Д. Самойлов никогда «не боялся подражания», утверждая, что «поэзия — дитя повторов!» [Самойлов 2013: 556]. В его текстах функционирует множество аллюзий и реминисценций из лирики Жуковского и Батюшкова, Пушкина и Лермонтова, Фета и Тютчева, Блока и Ахматовой...

Например, в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Ангел» главный образ-переживание — поющий ангел, который несет безгрешную душу. Песня ангела — молитва, «тихая», «святая», в ней сосредоточена вся красота и гармония Божьего мира. У Лермонтова такого рода красота — «блаженство», т.е. состояние высшей удовлетворенности, неземного счастья, совершенной духовной радости.

У А. Фета, которого иногда называют поэтом-музыкантом, есть цикл стихотворений «Мелодии», в них слово и звук органически слиты. В стихотворении «Я долго стоял неподвижно...» герой посвящает нас в рождение связи между ним и миром (*Я думал... не помню, что думал; / Я слушал таинственный хор, / И звезды тихонько дрожали, / И звезды люблю я с тех пор...*) [Фет 1985: 112].

В стихотворении А. Блока «Девушка пела в церковном хоре...» звучит песня-молитва, при помощи которой устанавливается гармоническая связь с Творцом. Она дарит надежду, спасает от разочарования, бессилия, врачует душу.

У Д. Самойлова красота содержит в себе пафос высшей любви, которая поднимает над временем и даже над смертью. Она

благодать, благоволение и помощь, которую приносит человеку Творец. Эта тема найдет свое дальнейшее развитие в более позднем творчестве поэта, где стали преобладать экзистенциальные мотивы, когда понятия красота, музыка и вечность сошлись в окончательном единстве:

Не исповедь, не проповедь,
Не музыка успеха —
Желание попробовать,
Как отвечает эхо,
Как наше настоящее
Поет морозной ранью
И как звучит стоящее
За вековую гранью.

ЛИТЕРАТУРА

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М., 2003.

Самойлов Д.С. Счастье ремесла: избранные стихотворения. — М., 2013.

Самойлов Д.С. Поденные записи: в 2 т. — М., 2003.

Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. — М., 1991.

Фет А.А. Стихотворения, поэмы, переводы. — М., 1985.

REFERENCES

Nikolina N.A. Filologicheskii analiz teksta: ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii [Philological analysis of the text: studybook for stud. higher ped. institutions]. Moscow, 2003. (In Rus.)

Samoilov D.S. Schast'e remesla: Izbrannye stikhotvoreniya [The happiness of the craft: Selected poems]. Moscow, 2013. (In Rus.)

Samoilov D.S. Podennye zapisi: v 2 t. [Daily entries: in 2 vol.] Moscow, 2003. (In Rus.)

Solov'ev V.S. Filosofiia iskusstva i literaturnaya kritika [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, 1991. (In Rus.)

Fet A.A. Stikhotvoreniya, poemy, perevody [Poems, poems, translations]. Moscow, 1985. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Ясакова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Балашовский институт (филиал), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; ул. Карла Маркса, д. 29, Балашов, Саратовская обл., 412309, Россия

Ekaterina A. Yasakova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Chair of the Russian Language and Literature, Balashov Institute (Branch), Saratov State University; 29 Karl Marx str., Balashov, Saratov region, 412309, Russia